

МЕРАЙЛИ

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

**Сказки
для девочки-синеглазки**

© Мерайли, 1972–2012

[*http://unism.narod.ru/mer*](http://unism.narod.ru/mer)

[*http://unism.pjwb.org/mer*](http://unism.pjwb.org/mer)

[*http://unism.pjwb.net/mer*](http://unism.pjwb.net/mer)

Сказка о сугробе

Жил-был сугроб. Обычный. Голубоватый, с искорками. Прохладный. Похожий на большую черепаху.

Сугроб спокойно лежал и никого не беспокоил. А вокруг зеленела трава, улыбались цветы, бегали по своим делам разнообразные зверушки... Светило солнце, серебрилась луна — сугроба это не касалось, и он им не мешал.

Но однажды маленькая птичка с мечтательными глазками и острым носиком настолько запорхалась посреди бескрайне-синего неба, что потеряла полетное дыхание и упала — прямо посреди сугроба. От неожиданности она громко пискнула, и сугроб проснулся. Птичьи перышки щекотали его ноздри — и он чихнул и расстроился. Грустно, когда в покойную и размеренную жизнь врывается что-то неправильное. Сугроб тихонечко заплакал. Маленькая птичка заметила это и тоже расстроилась — она вовсе не хотела причинить кому-либо неудобство... От расстройства у нее даже поднялась температура. А с температурой летать очень неудобно, и птичка так и осталась посреди сугроба, и от ее жара сугроб начал таять — и, в конце концов, растаял весь. А птичке ничего не оставалось, как начать расти — иначе она просто утонула бы в образовавшейся большой луже. Она сильно изменилась, когда выросла. Голубизна снега смешалась с синевой неба, прохладные искорки — с мечтательностью полета. Вместо маленькой птички — девочка-синеглазка: острый носик с небольшой горбинкой и темные косички с перышками-бантиками... Солнце быстро высушило землю, от сугроба не осталось и следа. Девочка-синеглазка засмеялась и побежала по зеленой траве навстречу цветам и деревьям, озерам и полям.

Сказка о прыгающем трамвае

Жил-был трамвай. Но обычные трамваи чинно и размеренно двигались по рельсам — а этот никак не мог заставить себя быть как все, он не ездил, а прыгал. Наверно, это

было очень неудобно для пассажиров, и поэтому никто на нем не ездил, и прыгать приходилось в одиночестве. А трамваю было обидно, ему тоже хотелось, чтобы кому-нибудь оказалось с ним по пути. Дома по обе стороны улицы только ворчали: "Ишь, распрыгался! Мы, вот спокойно стоим. И люди нас ценят за это. Ходи по расписанию — и тебя будут уважать".

Однажды весной, когда деревья еще только примеряли свежевывписанные из теплых стран зеленые листочки, трамвай прыгал мимо городского парка, который где-то плавно переходил в загородный лес. И тут он, к полнейшему своему удивлению, увидел, что в парке прыгает кто-то еще — маленькая темноволосая девочка с синими-синими глазами... Подпрыгнет — как будто летит, замирает в воздухе, и пищит от восторга. И волосы развеваются на ветру, как крылья. Трамвай немного попрыгал возле ограды — и девочка его заметила. Она радостно пискнула и полетела прямо к трамваю, и давай прыгать вокруг него, иногда поглаживая крохотной теплой ручонкой его железные бока. Трамваю это очень нравилось. Он замурлыкал моторами и начал подпрыгивать на месте. И как-то совершенно само собой попал в такт, и получилось, что прыгают они уже не сами по себе — а вдвоем. Ощущение — непередаваемое. Похоже, девочка тоже была довольна. Она вдруг сорвалась с места — и попрыгала вдоль улицы, и трамвай прыгал за ней, не отставая. Дело было ранним утром, и прохожих почти не было. А те, что встречались, сразу думали о чашечке крепкого кофе, чтобы окончательно проснуться.

С тех пор трамвай часто встречался с девочкой-синеглазкой, и вдвоем они обпрыгали весь город и его окрестности, и нашли много новых друзей — но об этом сказка еще впереди...

Сказка об умывальнике

Когда проходят черемуховые холода и закипает сиреневояблонева пора, прыгается как-то особенно весело. Девочка-синеглазка гуляла с прыгающим трамваем в лесу неподалеку от города. Вдруг слышат: какие-то странные звуки в зарослях диких

вишен — будто всхлипывает кто-то, а потом тихий звон... Они осторожно заглянули за куст — и увидели старый проржавевший умывальник, из носика которого время от времени срывалась крупная слеза и со звоном разбивалась о цинковую раковину.

Что делать? Девочка-синеглазка тихонько подошла к умывальнику и села рядышком, обхватив колени руками. Трамвай не помещался за кустами — и стоял чуть поодаль. Побыли они так, всей компанией — никто не знает сколько. Умывальник постепенно перестал плакать (потому что кончилась в нем дождевая вода) и начал рассказывать ржавым голосом, что много лет честно служил разным людям, а потом стал не нужен — и его просто выкинули в лесу, чтобы не мешал на новой даче, с водопроводом... Да, конечно, он уже не тот, что был в молодости, давно не чищен, и подтекает немного — за ним ведь не ухаживали, как полагается, а только пользовались. Но и в нем живая душа, и ему грустно и обидно... И не хочется погибать вот так, в пустом лесу, под кустом. Уж лучше бы тогда в утиль — и на переплавку.

— Знаешь, — сказал трамвай, — а залезай-ка ты ко мне. И я тогда буду единственным в мире трамваем с умывальником, а ты — не просто умывальником, а трамвайным! У меня в депо есть знакомый слесарь — он тебе поможет восстановить форму, для новой службы.

Умывальник как-то приободрился, а девочка-синеглазка захлопала в ладоши от восторга и пообещала быть постоянным трамвайно умываемым пассажиром.

Так и пошло. И все трое только радовались.

Однажды сделали они остановку у городского парка. А в это время проходил мимо парковый начальник. Заметил он трамвай с умывальником и остановился, как вкопанный. А потом и говорит:

— У меня в парке есть вакантная должность поющего умывальника. Подходящей кандидатуры никак не найду. Как у вашего умывальника с голосом?

Девочка-синеглазка заверила его, что с голосом все в порядке. А научить умывальник петь — дело нехитрое.

— Хорошо, — сказал начальник. — Приходите завтра к девяти часам на прослушивание.

Весь остаток дня девочка-синеглазка и прыгающий трамвай сочиняли подходящую к случаю песенку. Потом весь вечер они с умывальником ее разучивали. А на утро трамвай привез всех в парк.

Начальнику песенка очень понравилась, и он предложил умывальнику тут же приступить к работе, не дожидаясь конца положенных формальностей. Умывальнику отвели почетное место в уютном уголке парка, с пышными кустами сирени, большой клумбой и маленьким прудиком. Чтобы вода не кончалась, подвели специальный шланг.

Девочка-синеглазка и трамвай пожелали умывальнику удачи в новой работе и собрались уходить.

— А как же вы? — спросил умывальник. — Нет, выходит, теперь трамвая с умывальником. Мне-то, конечно, по возрасту, здесь спокойнее. Но скучать по вам буду все равно.

— Ничего, — ответила девочка-синеглазка. — Мы будем часто в гости приходить. Долго ли нам припрыгать? И трамвай подпрыгнул на месте в знак согласия.

И потом они не упускали случая заскочить в парк и повидаться со старым знакомым. А девочка-синеглазка иногда сочиняла для умывальника новые песенки, и они тут же их разучивали, ко всеобщему восхищению.

Сказка о косичках

Когда девочка-синеглазка еще была птичкой, торчали у нее из черного пуха по бокам головы два ярких перышка — из них-то потом и произошли цветные бантики в черных косичках. Когда птичка летала среди звезд, перышки иногда задевали звезды — и те звенели в ответ подобно колокольчикам. Точно так же и бантики в косичках разговаривали с лунными лучиками и капельками росы — будто тихая музыка струилась с высоты.

Синеглазка очень любила свои волосы. На ночь она заплетала их в две косички с яркими бантиками, чтобы не потерять, если придется где-нибудь летать во сне. Каждое утро

она расплетала косички и расчесывала волосы специальными гребнями — сначала редким, потом чуть потеснее, — а потом наводила пушистость гибкой металлической щеточкой. Днем она предпочитала ходить с распущенными волосами, чтобы они дышали, отзываясь каждому шагу, а на бегу развевались, полыхали, будто черный огонь. Но если предстояло уж очень много прыгать — тут, конечно, приходилось прибирать пушистое хозяйство под косынку, или в косички с бантиками. Заколки и зажимы в ее волосах не держались, а обычные обручи не могли остановить их вольный полет.

В один из таких занятых дней девочка-синеглазка даже немного устала к вечеру. Еще утром она надела свои косички — и ей очень хотелось поскорее припрыгать домой и освободить волосы, хотя бы ненадолго. Но по городу ходил очень грустный дождик, и синеглазка не могла оставить его наедине с его печалью, потому что дождикам тоже хочется, чтобы им кто-нибудь посочувствовал.

В конце концов, слезки у дождя стали просыхать, и он пообещал взять себя в струи — и вернуться потом, когда придет время для звонкой весенней песенки. Девочка-синеглазка собралась, было, возвращаться — но бантики в косичках тревожно зазвенели, как будто призывая обратить на что-то внимание... Она обернулась и увидела радугу. Совсем-совсем маленькую. Радуга робко пряталась за кустами на окраине города и при взгляде на нее сразу становилось ясно, что чувствует она себя очень неуютно. Девочка-синеглазка медленно и осторожно приблизилась к радуге — тихонько, чтобы не напугать. Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Потом девочка решила протянуть к радуге руку — прикоснуться к ней и бережно погладить по спинке. Радуга была прохладная и шелковистая. Она не стала убежать — только немного вздрогнула. Помолчали еще несколько минут.

— Привет! — сказала, наконец, синеглазка. — Что случилось? Зачем ты прячешься? Может быть, я могу чем-то помочь?

— Нет, — еле слышно вздохнула радуга. — Никто мне не поможет. Такая уж я родилась — некрасивая...

— Разве? — удивилась синеглазка. — А мне кажется, ты ничем не хуже других. И вполне могла бы сиять во все небо.

— Не знаю, — задумчиво протянула радуга. — Не вижу я в себе ничего интересного, и показывать мне нечего. Какая-то совсем обыкновенная, скучная... Маленькая, неприметная — что мне делать в небе?

— Знаешь, — вдруг нашлась синеглазка, — а давай я тебе косички заплету? И будешь ты не просто радуга — а самая нарядная! Тогда сама увидишь, какая ты на самом деле красивая.

Сказано — сделано. Появились у радуги две разноцветные косички, с импровизированными бантиками из веточек тех самых кустов, за которыми радуга пряталась. По такому случаю на них даже проклюнулись почки, почти готовые стать красивыми пышными цветами. Радуга посмотрелась в оставшуюся от прошедшего дождика лужицу — и повеселела. Девочка-синеглазка еще раз погладила ее и сказала:

— Ну, лети! Самое время.

И радуга взлетела в небо, и раскинулась широко-широко... И люди застыли, завороченные необычайным зрелищем, — где еще увидишь радугу с косичками?

Сказка про ежеиков

Прыгать — это, конечно, здорово. Но еще больше девочка-синеглазка любила танцевать. И было в городе у нее особое место для занятий танцами, куда она чаще всего навевалась по вечерам. Иногда она приглашала туда и кого-нибудь из своих друзей. Но трамвай был слишком неуклюж, и танцы у него не получались. Старый умывальник любил покой; он предпочитал оставаться на своем месте и мурлыкать старые и новые песенки. К тому же вокруг него всегда кучковался народ — не мог же он просто так оставить ответственную работу!

Зато весенние ветерки, летние дожди — были заядлые плясуны. Осенние листья больше любили кружиться в вальсе, но иногда их увлекал вихрь какого-нибудь запыленного танго. Зимой она танцевала со снежинками, а когда не оказывалось

рядом снегопада — с разноцветными искорками, отражениями городских огней в подростших сугробах.

Как-то раз, поздно вечером, под темнотой и звездами, возвращалась девочка-синеглазка после танцевальных уроков. Дело было на исходе лета, когда цветы уже готовы уснуть, а от усталых листьев в воздухе накапливается особый горьковатый запах, аромат приближающейся осени. Синеглазка, конечно же, обожала весну — однако и в этой августовской сказке находила тайное очарование.

Дорога недалеко — осталось только перебраться на другую сторону оживленной улицы, пройти вдоль решетчатой ограды парка — и дома. По улице летели тени машин — плотный поток в обе стороны. А на самой середине, между двумя стальными реками, — крошечный темный комочек. Неведомо как туда забрался малютка-ежик, из тех, что издавна водятся в парке, — и уже не мог выбраться. Стоит сдвинуться в любую сторону — он неминуемо попадет под колеса автомобилей.

Машины сами по себе безобидны. Может быть, местами слишком однозначны и наивно-грубоваты — но за их упрямой монотонностью, в общем-то, добрая душа. И лишь когда в них поселяется человек, они становятся злыми и беспощадными, слепнут и шалют от собственной мощи. Вот и сейчас — никто не притормозит, не позаботится о попавшем в беду живом существе. Нет здесь места пешеходам — железная, тупая правда.

Но для того, кто любит и умеет прыгать, — разве это преграда? Девочка-синеглазка собралась хорошенько — и в один прыжок оказалась на середине улицы, рядом с растерянным ежиком. Наклонилась и осторожно взяла его в руки. Ежик не стал по их зверушачьему обыкновению сворачиваться в клубок — а наоборот, спрятал иголки и тихонько лежал у нее в ладонях, выставив теплое кожистое брюшко, тихонько пошевеливая крошечными лапками. И расстроенно пыхтел, жаловался на незадачу.

— Ну, малыш, как же тебя угораздило? Ничего, сейчас мы тебя доставим обратно, к остальной колючей компании. Только держись крепче.

Синеглазка осторожно посадила ежика на ладонь и тот ухватился за нее всеми лапками. Она немного попрыгала на месте для разминки, а потом взмыла вверх — и приземлилась на тротуаре возле парка.

— Ну вот. Приехали. Беги, давай!

Она вернула ежика на землю и слегка подтолкнула по направлению к парку. Тот потоптался на месте, несколько раз посмотрел в нерешительности то на нее, то в сторону парка, смущенно фыркнул — и потрусил в гущу травы и кустов. Оттуда навстречу уже выглядывали несколько озабоченных мордочек. В конце концов семейство воссоединилось.

Потом, когда девочка-синеглазка вечерами возвращалась после танцев, ежики странным образом чувствовали ее приход и выползали всей компанией навстречу. Синеглазка улыбалась, махала им рукой — и прыгала дальше. Иногда, впрочем, она задерживалась возле ежиной компании, садилась на корточки и протягивала раскрытую ладонь. Кто-нибудь из самых маленьких вскарабкивался в ее ласковую ладошку, опрокидывался на спинку и умирительно похрюкивал, когда она бережно гладила ему брюшко.

Школа костров

В марте девочка-синеглазка радовалась первым искоркам мать-и-мачехи, потом наступала пора медуничных озер, которые скоро сменялись разливами фиалок и ландышей... Черемуха, сирень, яблоневый цвет — восторг весны. А чуть потянет пряностью акаций, да липовой медовостью, — вот уже и лето! Пестрое, быстротечное... Давно ли цвел шиповник? — а уже на кустах крупные плоды, и рыжеет рябина, и подходят яблоки — яркие, как цветы. Астры и хризантемы — приносят осень. А там, глядишь, снова холода, — и снежинки вместо цветов.

Всякому цветку свое время. Но с первыми проталинами зацветают в лесах костры — и уходят с последними осенними приметами.

Странные это существа. Живые — из неживого, веселые — и капризные, возвышенно-заполoshные, приземленно-волшебные,

ласковые, страшные, щедрые, жадные... Костер расцветает на какой-нибудь час — и умирает бесформенным черным пятном. Но не исчезает бесследно — и не является из ничего.

Девочка-синеглазка обычно старалась возвращаться домой не слишком поздно — лучше утром встать пораньше, пока город еще спит, и попрыгать по звонкой утренней свежести. Но иногда приходилось и задерживаться — если кому-то нужно вечером помочь. Один такой вечер, пока синеглазка прыгала по своим птичьим делам, успел незаметно превратиться в глухую ночь. Конечно, ничего в этом не было страшного или опасного — и даже наоборот, есть повод пообщаться с теми, кто не любит показываться днем. У синеглазки много знакомых звездочек, с которыми можно болтать ночь напролет; она в хороших отношениях с уличными фонарями — а днем они спят, отдыхают после ночной смены. Некоторые особо робкие тени прячутся до темноты. Ну и, конечно, неповторимая призрачность ночных облаков и дождей.

В этот раз, чтобы немного спрямить путь, девочка-синеглазка прыгала через пустырь на окраине города, напрочь заросший дикими кустами. Люди туда не забредали — пешим ходом пришлось бы продирается через непролазную чашу. А прыгать можно везде. Вот синеглазка и прыгала себе, и звездочки колокольчиками отзывались ей вслед. Вдруг, краем глаза, она заметила какое-то мерцание по земле — будто отражение звездного неба. Но дождей давно не было, а другой воды там никогда не водилось... Синеглазка подобралась поближе — насколько пускали косматые заросли, — и в просветах кустов увидела фантастическую картину. На небольшой, почти круглой поляне — много маленьких костров, совсем костреньшей, один возле другого, ровными рядами. Перед ними прохаживался костер побольше, как бы перетекая с одного края поляны на противоположный, поворачиваясь к малюткам то одним языком пламени, то другим.

Понимать речь костров девочка-синеглазка издавна умела. Это нетрудно. Оказалось, что здесь самая обычная школа, после которой кострам можно выходить во взрослую жизнь, расцветать во всю силу. Урок был посвящен хорошим манерам. Тема для

костров очень важная. Они по природе вспыльчивы, склонны увлекаться и разбрасываться, и уж как раскочегарятся — так удержу не знают. Опытный учитель объяснял кострятам, что не следует слишком распалиться, показывал, как можно вовремя остановиться, сдержаться в опасной ситуации. Только хорошо воспитанный костер может передать свет и тепло человеческим душам, навсегда остаться в них, надолго пережить неизбежную кучку золы...

Но, конечно, малышам было бы скучно все время слушать лекции — и дальше по программе шли практические занятия, огненные игры. Учитель показывал костеркам, как рисовать пламенем красивые узоры, как рассыпаться фейерверком искр и прятаться в багровость тлеющих углей. Тут уж старались, кто во что горазд! Девочка-синеглазка засмотрелась, забыла обо всем... Когда из-за горизонта выглянул первый проблеск утра — костры мгновенно притихли, поблекли, незаметно растеклись с поляны по каким-то им одним ведомым норам. На сегодня занятия закончены.

Только сейчас синеглазка почувствовала, как она устала. Но спать уже не хотелось, а лучшее средство взбодриться — полетать наперегонки со старым знакомым, утренним ветерком. А навстречу уже прыгал дружище-трамвай, который начал, было, беспокоиться в ее отсутствие. Впереди новый, добрый день.

Кошкина сказка

Когда девочка-синеглазка поселилась в городе, старожилы-кошки поначалу относились к ней осторожно — и котят своих удерживали вдалеке. Мало ли что? Уж очень она — птичьей породы, а с птичками кошки всегда были в трудных отношениях. Но синеглазка прекрасно ладила со всеми зверушками, и отчуждение рано или поздно должно было растаять.

В кошачьей компании одна замечательная кошка была на особом положении. Звали ее Нюша, и породы она была никакой. У кого-то пышнее, или шелковистее шерсть; кто-то гордился выразительным телом; иные выделялись особо модными усами или роскошным хвостом... Но у Нюши во всем чувствовалась

необыкновенная гармония: пушистая шерстка, сила и гибкость, закрученные в спираль длинные усы, теплый хвост — каждая деталь хороша в меру, и одна красота не затмевает другую. Ньюша была настолько совершенна, что другие кошки даже не знали, как к ней относиться. Ее нельзя было не любить — но природная исключительность все время держала Ньюшу как бы в стороне. Да и характер у Ньюши особенный — она очень скромна, ничего для себя не требует и может обходиться самым простым, относится ко всем ровно и доброжелательно, и в общении без проблем — но все же предпочитает оставаться наедине с собой, самодостаточна и горда.

Одно место в парке Ньюше особенно нравилось — и она облюбовала его для своих уединенных размышлений. За линией высоких кустов, в стороне от дорожек и тропинок, кто-то сделал маленькую клумбу с простыми полевыми цветами, а по краю — нарядные ромашки. Под кустами напротив клумбы — маленькая деревянная скамеечка, о которой обычные посетители парка не знали, но солнечные лучи и волнистые тени с удовольствием пристраивались там отдохнуть. И Ньюша всегда могла удобно расположиться среди них, развалившись на солнце — или клубочком в тени. Другие кошки знали про это нюшино местечко и никогда не претендовали на него.

Как-то раз, ближе к вечеру, пришла Ньюша в свое укрытие и собиралась, было, запрыгнуть по обыкновению на скамеечку — но с удивлением обнаружила, что место уже занято. Девочка-синеглазка тихонько сидела на самом краешке и мечтательно смотрела на цветы — а на коленях у нее пригрелся золотистый лучик. Синеглазка так замечательно подходила к этому месту! — поэтому Ньюша и не смогла издали учуять ее присутствие. Разве можно обижаться на такое вторжение? И Ньюша запрыгнула сначала на краешек скамейки — а потом как-то сама собой очутилась у девочки на коленях, вместе с ромашковым лучиком. С тех пор повелось у них устраивать совместные посиделки. Когда Ньюше становилось грустно и одиноко, она разыскивала девочку-синеглазку, приводила ее в парк, усаживала на заветную скамейку, забиралась на колени. Лизнув для порядка руки и в нос, укладывалась и долго-долго оставалась так, помуркивая

время от времени — почти неслышно. В светлом настроении — совсем другое дело, и можно от души попрыгать на парочку, или с кем-нибудь из хороших знакомых. А потом выбрать скамейку на виду, чтобы сидела на ней синеглазка, как на троне, а Нюша восседала бы рядом, поглядывая сверху на прочих зверушек... Выражая всем существом: это моя королева, и я — королевская кошка!

Конечно же, кошки-завидушки не хотели отставать. Они понемногу привыкли к синеглазке и душевно тянулись к ней. И выбегали навстречу, и радовались ее появлению — не показывая вида, как это у них принято. И она их всех любила, не обделяя вниманием никого. Но такой близости, как с Нюшей, ни с кем не было. И ладно. Кошки частенько собирались вокруг неразлучной парочки — поблизости, повсюду. Много ли надо? Просто побыть вместе, друг для друга. Это самое сказочное, что есть на земле.

Сказка про время

Жили-были обыкновенные ходики. Как и положено, они ходили и показывали время. Город хоть и небольшой — а поди успеешь с одного конца на другой! Временем люди интересовались часто и везде. Приходилось вертеться — и порой создавалось впечатление, что ходики находятся сразу всюду. Потому и название у них во множественном числе.

Когда-то очень давно время поселилось внутри ходиков и надеялось тихо и спокойно двигаться вместе с ними. Но людям невтерпеж — у них планы и сроки, они ежесекундно смотрели на ходики, и приходилось все время доставать и показывать. Не удивительно, что при такой работе ходики не отличались ровностью характера. Иногда они отказывались ходить и стояли, как вкопанные. Но все знали, что их легко завести — и люди этим пользовались. У ходиков все больше портилось настроение, и они старались потихоньку отстать — или наоборот, убежать подальше, — лишь бы не подтиктаковать жужжащей толпе. Время при этом тоже чувствовало себя не в себе — и то совсем засыпало, а то вдруг принималось всех будоражить и торопить. В

таких ситуациях люди качали головой и говорили: «Надо позвать частера».

Звали его так потому что он умел разбираться с часами, а также с минутами и секундами, — и делал это годами, или даже десятилетиями. Первым делом он разбирал их на части; где-то чистил, что-то смазывал, а потом хорошенько прикручивал все по своим местам. Тут уж ходикам, хочешь не хочешь, приходилось ходить и показывать присмирившее, правильное время.

Но однажды, теплым летним днем, ходики заскочили на ходу в городской парк. В парке испокон веков жили солнечные часы, и требовалось иногда сверить с ними время. Солнце светило вовсю — и прямо под ним, на большой лужайке, маленькая синеглазая девочка с черными косичками о чем-то увлеченно беседовала с неизвестно как оказавшимся там старым трамваем. Время от времени они срывались с места и начинали носиться по лужайке и прыгать во все стороны — потом успокаивались и продолжали разговор, не обращая на ходики ни малейшего внимания. Ходики подошли поближе и нервно затикали. Это не произвело на дружескую парочку ни малейшего впечатления.

— Как же так? — возмутились ходики. — Почему все на нас смотрят, а вы нет? Разве вы не хотите узнать, какое сегодня миллионие?

Девочка и трамвай удивленно глянули друг на друга, потом вместе повернулись к ходикам и хором ответили:

— Не хотим. Нам и так хорошо. Давай лучше бегать и прыгать вместе.

— Не положено нам. — грустно возразили ходики. — Не по правилам. Это же тогда не ходики получатся — а какие-то бегунки и прыгалки!

— Ну и что? — сказала синеглазка. — Никому от этого ничего плохого, а даже интересно. Зачем нужно, чтобы все время было как всегда?

— Конечно, — согласился трамвай. — В старые времена трамваи работали с кондукторами — и со мной ездил один честный человек, который все забытые пассажирами вещи относил в бюро находок. А когда пассажиров было мало, он

сидел на специальном кондукторском кресле и читал книжки про специальную теорию относительности.

— Вот, например, ходики обычно на ножках — и стрелки движутся кругами по циферблату... Но можно, ведь, и наоборот: встать на самый кончик минутной стрелки — и пусть тогда циферблат кружится себе вокруг нее, махая ножками! По теории относительности время от этого не меняется.

Ходики попробовали — было очень свежо и немножко щекотно. А время, действительно, и не думало возражать.

— Вот видишь, — подхватила девочка, — у тебя здорово получается. Оставайся с нами — и мы еще и не такое придумаем!

Ходики задумались — и остановились. В самом деле — разве это правильно, глупо терять время в погоне за временем? Почему нельзя всем со временем подружиться, и не думать о времени, а жить с ним? Тогда со временем все само придет...

Стрелки замерли, балансир смолк, и уж никак не хотелось снова заводиться и куда-то идти.

— Нет, так нельзя! — забеспокоилась синеглазка. — Не надо совсем расстраиваться. И огорчать своих друзей.

— Ничего, — мягко проговорил трамвай, успокаивающе покачивая дугой. Есть у меня одна идея... Тут недавно старый дом снесли — и выбросили на свалку вполне приличную чугунную батарею. Я бы мог к ней подкатиться, по старому знакомству; если ее немного поуламывать, она превратится в маленькую милую батарейку, а при такой надежности ходики больше не придется заводить.

Сказано — сделано. Долго ли спрыгать туда и обратно? Зажили душа в душу — и как-то всему нашлось свое время, и время стало другим, спокойным и щедрым, без обязательных сроков и принужденной суеты. Это называется бесконечность — а бесконечности хватит на всех.

Про речку, которая текла сама по себе

Жила-была маленькая, красивая, но очень капризная речка. Обычные реки — вытекают каждая из своего истока и впадают, кто куда сможет: которые поменьше — пристраиваются к рекам

покрупнее; кто-то — добирается до больших озер, или даже к местному морю; а некоторые, самые смелые, умеют породниться с большим океаном. А эта малышка отказывалась быть как все. «Почему, — говорила она, — обязательно требуется течь откуда-то и куда-то? Почему нельзя течь просто так, самой по себе, без истоков и устьев?» За это речку многие осуждали и не давали ей по-настоящему проявить себя. Кому хочется отвечать за чужие странности? Не то, чтобы речка очень нуждалась в их признании и поддержке — но иногда ей было очень грустно и одиноко, и она пряталась от нескромных глаз, чтобы тихонько поплакать наедине с собой.

Как-то раз девочка-синеглазка убежала от своих обычных занятий далеко за город и бродила одна в местах совершенно неведомых. Изредка она так поступала, и друзья знали, что не следует ее в такие минуты беспокоить — а надо просто немного подождать. Ей было всегда хорошо среди них — но надо же порой попереживать, и покваситься, — чтобы приятные чувства стали еще ярче и острее. На этот раз ей почему-то было особенно тревожно и трепетно внутри. И вот, в заросшем бурьяном овраге за проржавевшими жестяными гаражами, она вдруг уловила еле заметное всхлипывание... Надо ли говорить, что синеглазка никак не могла остаться в стороне? Она осторожно спустилась по склону — и увидела речку. Нет, не какой-нибудь ручеек — а самую настоящую речку, хотя и совершенно миниатюрную.

— Ой, — произвольно воскликнула синеглазка, — какая ты красивая! И так смешно течешь, сама по себе... Только вот глазки почему-то на мокром месте.

Речка от неожиданного сочувствия расплакалась еще больше — и синеглазка терпеливо ждала, пока та хоть чуточку успокоится. Наконец, все еще вздрагивая и волнуясь, речка стала путано рассказывать тихим, звонким голоском, как ходила к городскому начальству и просила, чтобы ее приняли на должность городской речки, — а городской голова ей отказал, потому что не могут они принять на работу речку без документов; а в городском управлении картографии заявили, что не могут выдать документы речке без начала и конца...

— Что же теперь? — снова заплакала речка. — Так я никогда и не смогу стать сама собой, и никто меня за реку не считает? А я, ведь, ничем не хуже других — я только не хочу пристраиваться в жизни к кому попало!

— Но мне же ты понравилась! — заметила девочка-синеглазка. — Значит, не все еще потеряно. У меня много друзей, и они, конечно же, тебя поймут, и все вместе мы что-нибудь обязательно придумаем...

Речка чуточку посветлела — и стала еще красивее. Несколько минут они еще пожурчали друг с другом, потом отправились знакомиться с синеглазкой компанией. Кстати оказалось, что новая знакомая прекрасно умеет прыгать; для речки без истока и устья — это совершенно естественно.

Как и ожидалось, понимания и сочувствия нашлось хоть отбавляй. Конечно, строгие городские порядки так просто не отменить — и до поры до времени речку поселили в парке, недалеко от поющего умывальника, так чтобы при случае всегда можно было списать на него неизвестно откуда взявшиеся голубые струи, а волнительный прозрачный голосок мог смело присоединиться к очередной синеглазкой песенке, которые так замечательно исполнял старый умывальник. Когда синеглазка приглашала речку на одну из своих «прыгулок», жители города только протирали глаза и бормотали что-то про усталость и миражи...

Но пришло лето — а в этот год оно выдалось на редкость знойным и засушливым. Раскаленные тротуары и стены домов дышали нестерпимым жаром, и никуда от него было не спрятаться — потому что никакой воды поблизости не было, и даже городские фонтаны выключили из экономии.

И вдруг, душным июльским утром, спешащие на работу горожане вдруг заметили в самом центре города, на главной городской площади, необыкновенную реку, текущую ниоткуда и никуда. Однако река была самая настоящая, и сначала ребяташки присоединились к отдыхающей на берегу синеглазке — а потом и взрослые с удовольствием подставляли лица свежему, влажному дыханию. Речка привлекала взгляды, она чувствовала всеобщий

восторг и благодарность — и от этого становилась все шире и полноводнее. Не привязанная к определенному месту, она могла протекать в разных кварталах — как будто в городе появилось сразу несколько рек. Народ привык к ней: никто уже и не мыслил городской жизни без этой невесты откуда взявшейся благодати.

И начальство не выдержало — речка получила право называться городской рекой и долгое время радовала всех чистыми голубыми водами. Картографы вдруг вспомнили, что в далеких южных странах бывают такие, «блуждающие» реки, без начала и конца. Выдали ей самый настоящий гидрографический паспорт. Но для паспорта требовалось имя — и как-то само собой получилось, что назвали речку Синеглазкой. Она сразу же стала местной достопримечательностью, и едва где-то упоминали название городка, тут же слышалось: «А, это тот, что у Синеглазки!»

Когда речка подросла, и повзрослела, у нее появились собственные притоки, и приходилось иной раз сдерживать себя ради воспитания малышни. Но она оставалась такой же красивой и необыкновенной — и менялась что ни день, и легко отпускала приблудившиеся ручьи, когда тем приходила пора улетать на поиски своей свободной судьбы.

Сказка про чучелку

На окраине города, за старым, покосившимся деревянным забором понемногу доживали свой век заброшенные огороды. Люди давно ушли из этих мест, переселились в высокие дома с просторными квартирами, где на первых этажах предостаточно самых разных магазинов, и нет нужды поддерживать себя чем-то питательным прямо с куста. Городское начальство посоветуется, решит — и приползут на окраину тупые бульдозеры, и последние следы прошлого навсегда исчезнут с лица земли. И не будет больше ни этих фиалочьих озер, ни буйства ландышей, ни лесной земляники и одичавшей малины... И не станет чудом уцелевшего посреди пустыря наивного пугала: несколько жердин, сложенных в отдаленное подобие человеческого тела, — да пустое дырявое ведро вместо головы.

И было бы оно так — если бы не забрела как-то в эти края маленькая девочка с синими глазенками. Увидев пугало, она высоко подпрыгнула от восторга и крикнула кому-то позади:

— Сюда! Посмотрите какая прелесть!

Из-за забора выпрыгнули несколько странных созданий; последним показался старый трамвай, для которого, при всей прыгучести, такие препятствия — не самое легкое испытание. Компания дружно уставилась на чучелку — и тот засмутился, попытался прикрыть покрасневшие деревяшки невесть когда накинутой на них чьей-то рваниной.

— Подождите, — сказала девочка. — Давайте по порядку знакомиться.

Она подошла поближе и улыбнулась:

— Вот, теперь Вы меня хорошо видите. Я знаю: Вы — чучелка, и Вы мне сразу понравились. Можно мне немножечко понравиться Вам? А там, — взмах рукой в сторону забора, — наши хорошие друзья, и они будут просто счастливы, если Вы разрешите им Вас иногда навещать.

Чучелка попробовал повернуться — но от этого ржавые суставы заскрипели во весь голос, еще больше вгоняя старика в смущение.

— Капелька! — позвала девочка-синеглазка.

К ним тут же подлетело нечто вроде тюбика с длинной, гибкой шеей, заканчивавшейся подобием клюва, с краником. Два мгновенных движения — и по застоявшимся сочленениям заструилось блаженное тепло, и задубевшее тело само попросило движения.

— Вот, видите, как теперь? — обрадовалась синеглазка. — Мы еще с Вами потанцуем.

— Да уж, танцор из меня... — пробормотал неожиданно оживший реликт. — Прошли времена.

Он с грустью вспомнил, как легко уступал озорному ветру, качался и поворачивался — будто действительно танцевал, не сходя с места...

— Это вы прыгаете... А я... Совсем неуклюжий. Только на месте стоять. Одно слово — пугало.

— Зря Вы так, — мягко проговорила синеглазка, будто погладила голосом. — Кто-то и ходит как чурбан, а другие умеют так выразительно стоять, что никаким танцорам не угнаться. Давайте пробовать. Не надо ничего нарочно делать — просто оставайтесь собой.

Синеглазка сделала кому-то жест — и потекла неведомо откуда чистая и упругая музыка. Девочка вспорхнула и поплыла в неторопливом танце, то приближаясь, то удаляясь, обходя с разных сторон, — и время от времени бережно задевая широко раскинутые деревяшки-руки. Незаметно для себя чучелка начал отзываться — легким трепетом, вибрацией, а потом и заметным движением, и старая дерюга на угловатых плечах скользила по невидимым волнам...

Музыка кончилась, а чучелка еще какое-то время оставался под впечатлением, казалось бы, невозможного. Когда очнулся, увидел, что друзья уже ушли — тихо, чтобы не спугнуть очарования.

На следующее утро девочка пришла снова. Она принесла новую накидку взамен почти истлевшей и пообещала сшить настоящий танцевально-чучельный костюм. Откуда ни возьмись, появилась семейка ежей, побежали по грядкам деловитые вихри — и скоро пространство вокруг чучелки преобразилось: вместо поросших бурьяном и заваленных мусором ухабов — ровные дорожки, и даже забор, вроде смотрит молодцом...

По случайному совпадению, дочке главного городского начальника попала в руки книжка с картинками: оказалось, что за границей есть специальные огородики, заповедники чучелков, и что это очень мило, и туристы со всех концов рвутся посмотреть. Дочка насела на родителя: а почему у нас такого нет? «Действительно, а почему нет?» — подумал городской голова и сходу озадачил подчиненных архитекторов. Вспомнили про заброшенные огороды, о судьбе которых так и не успели договориться. Когда солидный народ выехал на местность, изумлению не было предела. Делать-то, оказывается почти ничего не требуется: тут и ровненькие грядки, и готовый чучелка в новом наряде... Поскольку средства осваивать по правилам надо, все облагородили на широкую ногу: разбили еще огороды,

посадили разную зеленюшку, поставили всяческих чучелков... Синеглазкин чучелка остался скромно стоять с краю, но считал себя по-прежнему ответственным за огородное хозяйство и строго посматривал на чучелячью молодежь.

А синеглазка про него никогда не забывала, и друзья ловили всякую возможность заскочить по пути, перекинуться парой новостей. «Как там мой чучелка?» — спрашивала у них синеглазка, и сама навещала часто-пречасто. Когда чучелка видел девочку — он прямо-таки сиял от удовольствия, так что даже на кончиках его иссохших деревяшек появлялись зеленые веточки с малюсенькими трепетными листочками. А если синеглазка долго не приходила (у нее, ведь, столько мест, куда обязательно хоть изредка заглянуть!) — он грустил и становился серым, как осеннее небо. Молодые чучелки, хоть и форсировали современными манерами да нарядами, уважали его и понимали — и просили кого-нибудь из прохожих рассказать синеглазке, что ее любят и ждут.

Сказка про синичкины перышки

Умерла синичка. То ли замерзла, то ли за корявую молнию зацепилась — то ли обидел кто-нибудь.

Девочка-синеглазка очень переживала. Ходила тихонечко по блесткам цветов и будто пела про себя что-то колыбельное. Все понимали и старались не потревожить.

Похоронила синеглазка птичку в укромном уголке, куда никто не забредал, кроме одного солнечного лучика, — которому она и поручила присматривать за тайником. Собиралась уже уходить — не удержалась, уронила еще пару слез, и побежали от них по земле пушистые волны, покрыли все темно-зеленым мхом с серебряными искорками на конце каждой мшинки.

Иногда синеглазка приходила к синичке — не для грустных воспоминаний, а как бы посоветоваться, о чем-то напомнить себе. Каждый год по весне вырастали там необыкновенные цветы — как будто разноцветные перышки на длинных стебельках. Желтые, черные, сероватые, белые, темно-синие... Когда вместе взлетали они под порывом ветра, казалось, что летит настоящая,

живая синица. Несколько таких видений — и нет больше цветов-перышек, до следующей весны.

Одна зима выдалась особенно холодной, и никак сугробы не уступали дорогу весне. Синеглазке послышалось вдруг, что зовет ее синица, бьется о холод из под земли, попискивает — почти без сил. В два прыжка оказалась синеглазка на синичьем месте — и ничего, кроме снега. Нужна помощь. Ответственный солнечный лучик отпросился у солнышка и кубарем скатился вниз, под плотные, тяжелые облака. По краям вдруг вспыхнули огненным танцем десятки маленьких костерков. В лапах сосны примостились безотказные ходики и дирижировали оркестром теплых ветерков, умеющих извлекать музыку из любого дерева. Синеглазка изо всех сил разбрасывала снег — и снежинки таяли в искристом танце, обнажая влажный зеленый мох с серебристыми кончиками. Время танцевать солнечному лучу — и тут уже все постарались, чтобы жарко стало земле от сверкающего танца, и вместе с душистым паром потянулись к небу упругие ростки.

Когда на вершинах стеблей показались первые перышки, все замерли — и долго следили за чудесным превращением зелени в блистающее оперение. Ходики решительно взмахнули стрелками — грянул оркестр ветерков — и взметнулись ввысь искры уже отгоревших костров, и среди них — настоящая, живая синица: пискнула, поблагодарила, сделал пару кругов над усталыми, но растроганными до глубины души друзьями, — и улетела далеко-далеко, в ту страну, где все живы всегда.

Сказка-бродилка

Иногда приятно просто сидеть на одном месте и смотреть куда-нибудь, внутрь или по сторонам, — чтобы время плавно проплывало мимо и показывало себя то с одной стороны, то с другой... Но гулять по разным разностям тоже интересно: можно самому покрутить время туда-сюда и поразглядывать его с тех сторон, которые оно само по себе почему-то забывает показать.

Синеглазка любила гулять. Особенно вприпрыжку. А если еще и за компанию — тогда совсем весело. Когда чинно передвигаешься с места на место — вроде бы и не двигаешься

вовсе, и никакого отличия от неподвижности. Умные люди даже придумали про это физику и назвали теорией относительности. Но когда умеешь прыгать — совсем другое дело! Мир мгновенно меняется: был один — стал еще один. И можно таких кусочков набрать сколько угодно, и склеить из них какой-нибудь красивый узор. Как в танцах: на ту же музыку разное настроение. Конечно, без физиков и тут не обошлось, и про кванты теперь в детском саду говорят. Но синеглазке танцы ближе.

Лучше всего, конечно, весной и летом. Цветы, птицы, теплые дожди и говорливые ручейки... Не соскучишься! Есть в каждом месте и особенные обитатели, которые тоже умеют и приклеиваться к чему-нибудь — и вдруг вспорхнуть, перелететь стайкой в другие края, разместиться по разным веточкам. Такие они, слова. Куда ни глянь — обязательно отыщется или словечко, или толстая фраза, или почти незаметный запятыныш... У каждой буковки свой окрас, свой голос, особые повадки. Тем, кто умеет замечать, — еще интереснее: можно собирать слова по пути, как цветы, — и каждый раз получится новый букет, не похожий на другие, но тоже красота.

Девочка-синеглазка дружила со словами так же, как и с другими хорошими знакомыми: с кем-то встречалась чаще, кого-то навещала по особым дням. Теснее всего, конечно, сходилась с теми, кто на нее похож: чтобы и попрыгать вместе, и танцевать, и переживать... Некоторые слова для этого очень подходят. Какие-то из слов умеют надеть колючую маску, притвориться грубыми и неприветливыми... Но даже они мягчают от чистой душевности, добреют, когда с ними по-доброму, — вплетаются в общие игры и не воображают из себя.

Слова легко увлекаются: они летели за синеглазкой, долго провожали ее — и возвращались вместе с ней. После каждой прогулки оставался, то скромный букетик, то яркий венок, а то и просто охапка неизвестно чего, светящаяся всеми гранями, — или мерцающая неизвестно о чем. И надо было, несмотря на усталость, обязательно поделиться чудом со старым чучелкой, с поющим умывальником и прочими не очень подвижными существами. Так начиналась еще одна прогулка — и новые переливы слов...

Ветрячья сказка

Однажды на город налетела компания ветерков. Молодые, сильные — но какие-то уж очень бестолковые: один ветер в голове. А с ними погода загуляла — совсем ветреная. Носятся по улицам, гудят, — стены трясутся и вывески падают. А то вдруг подерутся меж собой, ни с того ни с сего, — и кружит смерч, — только уворачиваться успевай!

Кошка Ньюша этих безобразий не одобряла. «У нас, кошачьих, — говорит, — тоже бывает, что живут вместе, но не уживаются. Но вместе помурчать — дело святое. И понежиться за компанию, повалиться в общем тепле». А тут сиди в подвале и жди, пока уляжется...

Как-то раз девочка-синеглазка пригласила знакомую тучку мыть травинки на лужайке у реки. Тучка и рада бы — но, как назло, ветеркам вздумалось пошалить: летают кругами, легонько пихаются... Не так, чтобы уж очень, — но легонькой тучке и этого хватает, чтобы расплакаться и никуда не успеть. По счастью, прыгал мимо знакомый трамвай; он спрятал тучку в салоне — и мигом доставил по назначению. Его так просто с пути не собьешь!

Ветры сразу сдулись, притихли, — и молча наблюдали, как Синеглазка аккуратно расправляет травинки, а тучка каждой выделяет персональную капельку. Работы много. Глянула синеглазка на ветрячью компанию:

— Ну, что стоите? Помогайте!

— А мы так не умеем... — сконфуженно бормочут ветерки.

— И что же вы умеете?

— Дуть, пихать, толкать...

— А прыгать?

— Ой, как это? Научи нас!

— Ладно, так и быть: открываем здесь, на крутом берегу, вечернюю школу. Записывайтесь в кружок ветровых прыгунов! Речка нам обязательно поможет. — Так ведь, Синеглазка?

А той вспомнить молодость только в удовольствие. Поначалу учились планировать со скалы, отталкиваться от волнистых лапок — и взлетать обратно. Потом расхрабрились — и стали прыгать с одного берега на другой. Да так, чтобы не

память травинки — а только расправить их, бережно пройдя по самым кончикам. Каждый ветерок что-то свое придумывал — остальным в азарт перенять!

Синеглазке тоже место в игре: подхватит ее ветерок, отнесет недалеко, — да передаст другому. Осторожно, чтобы не уронить. Другьям боязно за нее — а она улыбается: мол, все в порядке! Так и летали все вместе поперек да вдоль реки.

Когда вдоволь напрыгались, спрашивают ветерки: можно мы еще что-нибудь замечательное выучим? Никаких проблем — было бы желание! Таланты посыпались как из ведра. Ветерки сами от себя не ожидали: тут и художественный свист, и танцы (тучки оказались чудесными партнершами!), и рисование в небе искрами, а по листве — лунными бликами...

По примеру синеглазки, начали подыскивать себе полезные дела. Так появилась первая в мире служба ветряного спасения: если очень быстро отреагировать — случайно упавшие вещи возвращаются на место в целостности и сохранности. Совсем взрослая работа — борьба с лесными пожарами: плотной воздушной стеной отрезать одичавший огонь от массива, прибить к земле, пригнать дождик... Но, конечно, поиграть на досуге с хорошими другьями — всем в радость.

А на синеглазкин праздник всегда собирались вместе и дарили ей особенный цветок — розу ветров.

Сказка про морозные крылья

Зимой в город заглядывал мороз. Бродил по улицам, щипал за нос неосторожных прохожих, настраивал звонкие ледышки по каким-то фантастическим гаммам... Но для души — была у него страсть: рисовать на окнах. Не абы как, подобно бездельникам-пачкунам, — а высокохудожественно, кристаллик к кристаллику: чтобы и причудливая линия, и радужные переливы... Сотворит эдакую красоту — и радуется, и даже как то мягчеет, — отчего морозные узоры начинают таять и пропадают без следа. А ему оно и не важно: хорошая память лучше дурного памятника. Снова и снова принимался он за свое, и знал, что ненадолго, — но удержаться не мог. Так его зазнобило на художества.

С высокого неба смотрели на все это перистые облака. Издалека им виднее: собираются, пока мороз еще на походе... Так по ним и примета на похолодание. Сам-то больше пешком, не торопясь, чтобы не пропустить ничего интересного, как иные суетливые летуны. По природе старик был обстоятельный.

Зато снежинкам не сиделось на месте — и взмывали они роем при малейшем дуновении. Но мороз не обижался на малышню — знал их суматошность, и что далеко все равно не улетят, рядом засугробятся. Снежинки по-своему любили деда, старались не очень порхать при его появлении, когда стоячий воздух наполнялся крошечными блестящими льдинками.

Однажды увлекшийся узорчатой росписью мороз вдруг почувствовал затаенное дыхание за спиной. Обернулся. Стоит эдакая крохотуля, с синющими глазами — в которых сияет неподдельный восторг. Даже стеснительно как-то. Кашлянул дед хрипловато: ну что смотришь? — нравится?

— Ой, Вы даже не представляете, как это волшебно!

— Так я же, вроде, по должности колдун, так ваши сказки сказывают. Значит, про волшебство — кому еще знать?

— А можно, я Вам тоже что-то покажу? Совсем маленькую чудиночку — конечно, не как Ваши...

Синеглазка подошла к только что сотворенной картине — и начала тонкими пальчиками выщипывать из нее нарисованные перышки. Сначала она просто собирала их в красивый букетик — а потом разложила по сугробу и стала склеивать в крохотные морозные крылышки: свое дыхание вместо клея. И до того крылышки эти легки, что всплывают в морозном тумане безо всякого ветра, и висают высоко-высоко, подобно перистым облакам.

— Вот, теперь и Вы летать умеете! Красиво, ведь!

У мороза перехвалило дух. Но расплакаться прилюдно было бы не по достоинству.

— Ладно, красавица. Пора мне. Пойду, в лесок загляну — тамошние заждались. Спасибо за сказочку. Встретимся еще.

Мороз медленно побрел на окраину. Синеглазка долго смотрела вслед, потом пошла любоваться другими оконными шедеврами, из которых так легко сочиняется всякая пернатость.

Тем временем сгустилась ночь, и озябшие обитатели попрятались по домам. К утру окна украсились совсем другими узорами. А крылышки все летают, и пристраиваются время от времени к кому-то на плечо. А человек вдруг чувствует удивительную окрыленность — и начинает творить чудеса.

Сонная сказка

Некоторые очень любят путешествовать. Не сидится им на одном месте — тянет в далекие страны, в другие миры... Бывает и наоборот: живет кто-то безвылазно в своей глухомани — ему хорошо, и на это слетаются ближние и дальние, и все можно повидать без лишних движений.

Жила-была сказка — в тридевятом государстве, куда не всяк добраться горазд. И мечталось ей свет посмотреть, да себя показать. Друзья и близкие не возражали: дело полезное. Собрали кто сколько смог ей в первую надобность, да напутствовали добрым словом — чтобы принимали с душой, да поминали добром.

Бродила сказка по разным краям, дарила встречным то одно, то другое, — да и сама набиралась драгоценного опыта, так что рассказываться становилось интереснее.

Неведомо как забрела сказа в синеглазкины места. Звали ее большие столичные города, манили необъятные просторы... Только слышнее их — ненавязчивые блики ровной сердечности, не познакомиться с которой просто никак нельзя.

Так уж получилось, что прибыла она вечерним поездом. Стоянка одна минута, никто больше на станции не выходил. Темнота и тишина. Куда теперь? Обычно в городах есть гостиницы, и на вокзале можно узнать адреса... Но вокзал закрыт, и спросить не у кого. Остается надеяться, что отыщется приют неподалеку — где же еще перехватить гостей?

Сказка побрела по самой большой улице, оглядываясь по сторонам. Ничего. Окна черны, подъезды закрыты, вывески не горят. Никакого транспорта. Что же, на улице ночевать?

И тут — искорка надежды. Там, на перекрестке. Бегом на огонек!

Полное разочарование: это всего лишь кошка — хотя и с необыкновенно яркими, красивущими глазами...

Но кошка грациозным движением изогнула хвост знаком вопроса и отчетливо произнесла:

— Здравствуйте. Вы, наверно, иностранка?

— Да. То есть... А разве кошки умеют по-нашему?

— Кошки все умеют. А я Ньюша, и умею еще больше.

— А я сказка. Приехала погостить — а тут все уже спят, и рассказать себя некому.

— Ничего страшного. Настоящая сказка нигде не пропадет. Есть у меня на примете кое-кто... Вы не могли бы пройти на трамвайную остановку?

Ньюша выразительно вытянула лапку и хвост в направлении остановочного навеса, около которого, правда, не было никаких рельсов. Ладно, после долгого пути — лишняя сотня метров пустяк. Сказка приготовилась ждать невозможного — но тут в глубине улицы послышался приглушенный звук: из-за поворота выскочил старый трамвай и аккуратными прыжочками двинулся к остановке — тихо, чтобы никого в такой час не разбудить.

Трамвай остановился и радушно распахнул двери. Ньюша запрыгнула внутрь и жестом пригласила гостью последовать примеру. Трамвай развернулся и уверенно поскакал в темноту, так плавно, что пассажирам его манера передвижения не доставляла ни малейших неудобств. Вскоре он остановился перед не очень многоэтажным домом — где тоже все спали. Ньюша мгновенно переместилась на крышу трамвая и послала пару лучиков из глаз в темное окошко на третьем этаже. Короткая пауза — и в ответ блеснули две синих звездочки.

— Ну вот, — муркнула кошка. — Хозяйка разберется как всем быть. Она у нас совершенно сказочная!

Из подъезда вышла маленькая девочка, совсем заспанная, с пушистыми волосами в сонных косичках. Приблизилась к трамваю, вежливо поздоровалась.

— Я уже все знаю. Наши спасатели будут с минуты на минуту. Они Вас устроят на ночлег.

— А Вы тоже умеете разговаривать на всех языках?

— Зачем мне все? Достаточно одного, сказочного.

— И правда! А я как-то не подумала...

Откуда ни возьмись, перед домом синеглазки выстроилась команда ветерков, в качестве приветствия просвистев несколько тактов шубертовской серенады. Никому ничего не пришлось объяснять. Девочка решительно стряхнула с себя сон, ветерки завернули в него разомлевшую от сонного тепла сказку — и разнесли по всему городу. В эту ночь всем снилось одно и то же.

Сказка про цветной клен

На поляне в парке, прямо напротив поющего умывальника, жил старый клен. Он был совсем старый — корни да ветки. Директор парка указал на него прорабу и приказал: спилить! Завтра же.

А кошка Ньюша любила отдыхать на этих узловатостях. Кому как — а ей уютное гнездышко. Подслушала она — и тут же рассказала пробежавшему мимо ветерку. Тот поднял по тревоге всю ветрячью компанию — быстро собрались и помчались к девочке-синеглазке.

Ньюша самоотверженно осталась сторожить.

Наутро приехал трактор с прицепом, из него вылезли рабочие с бензопилами и направились к клену. Кошка сердито зашипела на них — и людям почудилось, будто на них напал огромный свирепый тигр. Пока ходили за директором, подоспела синеглазка, на руках стремительных ветерков. Новость облетела город, и синеглазкины друзья постепенно подтягивались на помощь, встали вокруг клена.

Когда рабочие вернулись с директором, тот спросил у синеглазки, не видала ли она поблизости злого тигра?

— Да, — ответила синеглазка, — у меня есть знакомый тигр, и он очень не любит, когда обижают наших друзей.

Тем временем вокруг собралось много народу, и никто не хотел, чтобы клен срубили.

— Но, ведь, это уже не дерево, — настаивал директор. — Одни голые ветки! Он уродует парк, и лучше высадить на его месте что-нибудь цветное...

— Ерунда! — ответила синеглазка. — Приходите сегодня вечером — и Вы увидите, как он умеет цвести!

Ветерки раструбили по всему городу: будет грандиозный праздник, приходите все, приносите любые украшения и цветы.

Праздник решили устраивать каждый год, или несколько раз в год, — и назвали днем клена. Цветов принести так много, что пришлось их рассаживать вокруг, между выпирающих из земли корней, — а самые красивые венки и гирлянды развесили по ветвям. Знакомые музыканты играли любимую музыку, на поляне танцевали парами и поодиночке, а клен, украшенный сотнями фонариков, переливался всеми красками, стараясь попадать в такт. Дирижировал старый умывальник с другого края поляны — и подпевал стихами собственного сочинения.

А около клена поставили табличку: охраняется народом.

— Ладно, — сказал директор. — Пусть это будет наша достопримечательность, и туристы будут специально приезжать, чтобы посмотреть на самый старый в мире клен.

Синеглазка придумала высадить вокруг клена много молоденьких деревьев: черемуха, сирень, яблони и акация... Сама высаживала фиалки, нарциссы, и другие цветы. Ветерки слетали куда-то на юг и уговорили молоденькую магнолию переселиться в новое место, и обещали, что рядом с синеглазкой никакие зимы ей не страшны. Один ветерок, которому магнолия очень понравилась, обещал каждую зиму пригонять с юга самые пушистые облака, чтобы закутать ее в них и спрятать от любого холода. Деревца и кусты облепили клен со всех сторон. И когда цвела сирень — клен был сиреневый; когда цвела магнолия — он утопал в белых цветах. В конце концов на старых ветвях нашлось место даже розочкам — а следующей весной сквозь трещины загрубевшей коры пробились робкие зеленые веточки: неожиданно помолодевший клен впервые за многие годы покрылся всамделишной лапчатой листвой.

Сказеночья сказка

Жила-была на свете маленькая сказочка — такая крошка, что заметить трудно, на фоне взрослых сказок и грандиозных

эпопей. Но сказочка не унывала — жила себе, понемногу, бродила по свету в одиночку, — и радовалась каждой росинке, каждому лучику. Ей снисходительно прощали непоседливую наивность: пусть подрастет, остепенится... А ей не хотелось вырастать, и уж тем более остепенятся: слово какое-то неуютное.

Однажды сказочка оказалась на краешке необыкновенной речки — а может быть, это речка к ней приبلудилась? Но разве не сказочно, когда река то распускает веером синие локоны — то скручивает их колечками; гладит волнами трепетные деревца — или дразнит издалека? А тут еще и разноцветные камешки на берегу, березки да елочки в рощице, и всюду цветы — самые обыкновенные, но в этом и сказочность! И решила сказочка здесь поселиться, потому что лучше места нигде не найти.

На другом, обрывистом берегу — край какого-то городка. Когда кто-то вышел из города к речке погулять, сказочка надевала что-нибудь нарядное и сидела на берегу — и всем было приятно полюбоваться на нее.

Больше других приглянулась сказочке маленькая девчушка, с похожими на речку глазами: чем больше смотрели они друг на друга, тем больше друг другу нравились. И росточком сошлись, и душевностью. Много ли надо? Только чтобы заметил кто-нибудь, и вспоминал иногда. Настоящим друзьям и разговаривать не надо, и за руки держаться не обязательно.

Но их ласковая игра в гляделки понемногу переросла в удивительную способность как бы меняться местами: девочка становилась сказкой, а сказка принимала девчоночье обличье и могла обойти весь город, встречаться с интересными существами, как будто выдуманскими неизвестным сказочником.

Конечно, такие встречи не на каждый день. В плохую погоду правильнее оставаться в тепле и вспоминать. Зимой даже речка пряталась подо льдом, а иногда совсем пересыхала — убегала в другие страны, к знакомым озерам и морям. А в конце погожего дня — так приятно расслабиться, растечься по влажным мгновениям, встретить ночь, которая каждый раз расшивает свое бархатное платье по-новому, — и мечтать ни о чем.

В мире, наверно, что-то менялось. Но синеглазые сказочки и сказочные синеглазки — остаются навсегда.

Сказка о голубой розе

Девочка-синеглазка любила цветы. Казалось бы, ничего удивительного — многие девочки их любят. Но у синеглазки с цветами было полное взаимопонимание. Цветы сами тянулись к ней, им нравилась, как она на них смотрела, как с ними разговаривала... Они расцветали от каждой ее улыбки.

Когда синеглазке случалось прыгать где-нибудь среди зелени, она здоровалась со старыми знакомыми, расспрашивала о новостях, обязательно интересовалась здоровьем. Цветы, ведь, такие хрупкие — и болеют от всяческих неприятностей. Но цветы знали, что и сама она тоже хрупкая и переживательная — а потому старались лишней раз ее не расстраивать.

Однажды вечером пролетала мимо городка стайка розочек. Они устали немного, но еще больше соскучились. А тут видят: прыгает девочка-синеглазка на пару с трамваем, и на лету делает реверансы липам и каштанам, которые росли вперемешку вдоль улицы. А те ей вроде как отвечают, тоже раскланиваются. Это у них игра была такая, специально для летних вечеров.

Розочки подлетели к синеглазке и по-своему зачирикали. Девочка, конечно же, все поняла и пригласила всех сразу в свой любимый парк — не самый большой, но уютный, с большим прудом и маленьким фонтанчиком. Там розочки и заночевали на пушистой зеленой лужайке. А наутро решили никуда не улетать, поселиться рядом с девочкой-синеглазкой насовсем. В городе потом все удивлялись, откуда взялся такой замечательный розарий, и хвалили директора парка — а тот скромно хранил молчание.

Девочка-синеглазка очень привязалась к своим розочкам и частенько припрыгивала к ним поболтать. А те при ее появлении оживлялись, прихорашивались и старались показать себя с самой привлекательной стороны. И пахли просто головокружительно.

Надо сказать, что розы по природе известные вообразули. Они требуют, чтобы ими любовались, восхищались и обращали на них внимание. Это народ компанейский — и даже цвести предпочитают все вместе, чтобы с кем-то сравнить перышки и пообсуждать наряды.

Но одна роза была не такой как все. Она росла в стороне от

пестрой компании, никогда не участвовала в разговорах, а только слушала и кивала головой. Высокая, бархатистая... И цвет совершенно необыкновенный — темно-голубой, почти синий. Как так получилось — никому не ведомо...

Розочки-подружки ее не то чтобы недолюбливали — а как-то сторонились. Уж очень она неправильная. И какая-то не по-земному красивая.

Они все же поглядывали на нее краем лепестка. Когда голубая роза в задумчивости принимала особо красивую позу — все дружно пытались перенять новую манеру, приобщиться к изысканной элегантности. Это они умели! — и весь розарий становился вдруг еще краше.

Девочка-синеглазка обо всех заботилась, говорила со всеми вместе и с каждой по отдельности — хоть чуточку, чтобы не чувствовали себя обойденными. Но потом приходила к голубой розе, садилась на траву около нее — и долго с ней беседовала на каком-то лишь им понятном языке. У голубой розы при этом даже цвет немного менялся: то светлее, то темнее — в такт загадочному разговору.

Розы не обижались — они чувствовали, что так надо, и что синеглазка все равно о них не забудет. Несмотря на кажущуюся ветреность, у них хватало такта не мешать чужой, пусть даже непонятной красоте.

Но однажды сумрачное ожидание зависло в ночном небе — как будто перед грозой, но без ветра, и ни единой тучки. На всякий случай розочки прижались к земле — и только голубая роза выпрямилась во весь рост, задрожала натянутой струной, отзываясь зову с высоты. Еще немного — и она взмыла вверх, все дальше и дальше, светилась все сильнее — и вдруг взорвалась там, наверху, забрызгав синими искрами бархатную ночь.

Потом астрономы никак не могли взять в толк, откуда в Галактике появилось столько ярких голубых звезд.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказка о сугробе	3
Сказка о прыгающем трамвае	3
Сказка об умывальнике.....	4
Сказка о косичках.....	6
Сказка про ежиков.....	8
Школа костров.....	10
Кошкина сказка.....	12
Сказка про время	14
Про речку, которая текла сама по себе.....	16
Сказка про чучелку.....	19
Сказка про синичкины перышки	22
Сказка-бродилка	23
Ветрячья сказка.....	25
Сказка про морозные крылья	26
Сонная сказка.....	28
Сказка про цветной клен.....	30
Сказеночья сказка.....	31
Сказка о голубой розе	33